Studia Interkulturowe Europy Środkowo-Wschodniej 19
ISSN 1898-4215; e-ISSN 2544-3143
Copyright © by Anna Kościołek 2026
Creative Commons: Uznanie Autorstwa 4.0 (CC BY 4.0)
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/
https://doi.org/10.31338/2544-3143.si.2026-19.7

Anna Kościołek
Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu
Anna.Kosciolek@umk.pl
ORCID: 0000-0001-8133-0965

ВЕНЕЦИЯ В ЭМИГРАНТСКОЙ ТОПОБИОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА ГЕРЦЕНА

Venice in Alexander Herzen's Emigration Topobiography

Abstract

This paper is an attempt at a topobiographical analysis of Venice, one of the stops on Alexander Herzen's travels in Italy. The term "topobiography" was introduced by Polish researcher Jacek Kaczmarek. His article "Topobiographies: a multidimensional space of being" constitutes the theoretical basis for the discussion. The scholar employs the plural form on account of the fact that the path of life consists of a series of sequences, signifying stages of earthly migration between temporary stops. Topobiographies are life stories which take into account the spatial factor. Herzen presented his perception of Venice in his correspondence and in the essay "Venezia la bella", which was included in the monumental memoir series "My Past and Thoughts". His deliberations drew attention to the geodetic distance, social distance, and the economic cost.

Keywords: Venice, Herzen, topobiographical analysis, correspondence, essay "Venezia la bella"

> Долго живши на одном месте и в одной колее, я чувствую, что на некоторое время *довольно*, что надобно освежиться другими горизонтами и физиономиями... и с тем вместе взойти в себя, как бы это ни казалось странным. Поверхностная рассеянность дороги не мешает.
>
> Есть люди, предпочитающие отъезжать *внутренно*; кто при помощи сильной фантазии и *отвлекаемости* от окружающего – на это надобно особое помазание, близкое к гениальности и безумию, – кто при помощи опиума или алкоголя. Русские, например, пьют запоем неделю-другую, потом возвращаются ко дворам и делам. Я предпочитаю передвижение всего тела передвижению мозга и кружение по свету – кружению головы.
>
> Может, оттого, что у меня похмелье тяжело
>
> (XI, 432–433)[1].

В статье „Топобиографии – многомерное пространство бытия" („Topobiografie – wielowymiarowa przestrzeń bycia") Яцек Качмарек пишет: „Жизнь человека – путь, записанный в географической среде, которую следует рассматривать как синергетическую систему пространства и времени"[2]. Исследователь подчеркивает, что ход жизни определяется не только хронологическими последовательностями событий. Время – важный, но недостаточный биографический фактор. Человеческое существование представляет собой путешествие между местами. Сущность пространства возникает из отношений, которые его образуют[3]. Географ туризма объясняет это на примере театра. Он говорит, что его смысл не заключается в стенах зданий, кулисах, залах, актерах и техническом персонале, но в первую очередь в драме, которая представляется, а затем во взаимодействиях, возникающих между актерами и зрителями. В то же время публика также формирует про-

[1] Все цитаты из произведений Александра Герцена приводятся по изданию: А. Герцен, *Собрание сочинений*: в 30 т., т. I–XXX, Москва 1954–1965. В скобках указываются номер тома и страницы.

[2] J. Kaczmarek, *Topobiografie – wielowymiarowa przestrzeń bycia*, „Białostockie Studia Literaturoznawcze" 2013, nr 4, s. 25.

[3] См.: Ibidem, s. 27–29.

странство драмы и спектакля, проходящего в фойе. Театр – не „контейнер" для постановки пьес, а возможность построить драматические отношения на основе представленного спектакля. Пространством, подчеркивает Качмарек, является не место, где мы находимся, но отношения, которые мы устанавливаем в среде нашей жизни[4].

Учитывая, что жизненный путь пролегает в топоцентрической реальности и состоит из серии пространственно-временных последовательностей, польский исследователь вводит термин „топобиографии". Он использует форму множественного числа, поскольку жизненная дорога состоит из ряда последовательностей, обозначающих этапы земного странствия между местами временной остановки[5]. Топобиографии – история жизни, учитывающая пространственный фактор. Это отражение жизненного маршрута, проходящего через совокупность пространственных местоположений (мест проживания), являющееся результатом взаимодействия различных сред: социальной, исторической, географической, которое вызывает развитие пространственного опыта в сфере мышления[6].

Яцек Качмарек отмечает, что для топобиографического анализа важны три фактора, описывающие пространственную деятельность человека: геодезическое расстояние, социальное расстояние и экономическая стоимость. Геодезическое расстояние – физическая мера между точками в пространстве. Социальное расстояние представляет собой совокупность отношений между социальными группами, вытекающих из социальных характеристик составляющих их единиц. Оно определяет уровень интеграции и разделения, а также присоединения и отторжения в рамках социально-пространственных структур. Экономические затраты концептуализируются как сумма расходов, понесенных для выполнения конкретной пространственной задачи. Они включают как время, затраченное на преодоление расстояния, так и финансовые ресурсы, необходимые для осуществления предпринимаемых инвестиций (например, строительства дома)[7].

---

[4] См.: Ibidem, s. 29.

[5] См.: Ibidem.

[6] См.: Ibidem, s. 31.

[7] См.: Ibidem, s. 35–36.

Топобиографии Александра Герцена можно разделить на две части: русскую и эмигрантскую. К первой относятся его родная Москва, Петербург и места ссылки: Пермь, Вятка, Владимир, Великий Новгород. Эмигрантская топобиография писателя была чрезвычайно богата. Герцен стал, как известно, гражданином мира, который половину своей жизни провел в изгнании в Европе. Его жизненный путь включает Германию[8], Бельгию[9], Францию[10], Италию[11], Великобританию[12], Швейцарию[13].

---

[8] Германия стала первой страной, в которой оказался Герцен после отъезда из России в 1847 году. Он искал там медицинской помощи для своей жены и сына Николая, который был глухим (см. И. Желвакова, *Герцен,* Москва 2010, с. 248). В Берлине он консультировался у выдающихся врачей: хирурга Иоганна Фридриха Диффенбаха и ларинголога Вильгельма Крамера (см. W. i R. Śliwowscy, *Aleksander Hercen*, Warszawa 1973, s. 166). Он посетил Кёнигсберг, Кёльн и Берлин.

[9] Это был этап на пути в Париж.

[10] Писатель прибыл в Париж в марте 1847 года, хотя у него не было разрешения на пребывание во Франции (См.: Л. Ланский, *Герцен и Франция* [в:] „Литературное наследство", т. 96: *Герцен и Запад*, Москва 1985, с. 167). Он не просил его, потому что слова „Франция" или „Париж" звучали для российских властей зловеще. Русские ездили на Сену тайно; это географическое название не могло появляться в их паспортах. Герцен умер в Париже, своем „Иерусалиме революции", в 1870 году, незадолго до франко-прусской войны и Парижской коммуны. Его похоронили на кладбище Пер-Лашез. В том же году, согласно желанию писателя, его прах был перенесен из столицы на юг Франции, в Ниццу, где он был упокоен вместе с первой женой Натальей и двумя детьми, которые сначала были похоронены на кладбище Монмартр; позже их останки были эксгумированы и перенесены в Ниццу (см.: W. i R. Śliwowscy, op. cit., s. 605).

[11] В Италию он приехал в 1847 году. Болонья, Венеция, Везувий, Капри, Флоренция, Генуя, Геркуланум, Милан, Неаполь, Помпея, Рим, Турин – вот наиболее важные места, которые он посетил. О впечатлениях Герцена от Италии я писала в статьях: *Aleksander Hercen i „najpoetyczniejsza kraina na świecie"* [w:] *Słowiańszczyzna wobec idei i poszukiwań świata zachodniego*, „Musica Antiqua Europae Orientalis XV. Acta Slavica", Bydgoszcz 2009, s. 207–220; *„Życie na ulicy", czyli Aleksander Hercen i Risorgimento*, „Litteraria Copernicana" 2011, nr 1 (7) *Italia. Inspiracje włoskie w literaturach słowiańskich*, red. B. Burdziej, A. Kościołek, s. 61–69.

[12] 1852–1864 годы Герцен провел в Англии, в Лондоне, который в то время был главным центром международной эмиграции.

[13] В 1851 году он принял швейцарское гражданство (см.: W. i R. Śliwowscy, op. cit., s. 230).

В статье предпринята попытка топобиографического анализа Венеции, являющейся одним из этапов итальянских путешествий русского писателя, с помощью терминов, которые в научный обиход ввел Я. Качмарек: геодезическое расстояние, социальное расстояние и экономическая стоимость.

Александр Герцен хотел посетить Венецию, один из самых „волшебных" городов Европы в 1847–1848 гг., потом – в 1863 г., однако ему мешали бурные политические события в Европе. Возможность побывать в „жемчужине Адриатики" появилась лишь в феврале 1867 г., когда писатель жил во Флоренции, где в то время обитали его дочери и сын[14]. Герцен приехал в Венецию из Флоренции на поезде 18 февраля[15] 1867 года. Он собирался уехать 25 февраля, но, когда он узнал из газет о прибытии Джузеппе Гарибальди в Венецию 26 февраля, продлил свое пребывание и уехал из города 27 февраля. Таким образом, он провел там 10 дней.

Венецию и Флоренцию разделяет расстояние 250 километров. В настоящее время путешествие на поезде занимает около 3 часов, но Герцен в XIX веке провел в вагоне всю ночь. В одном из писем он сообщил, что вечером, в половине одиннадцатого, лёг спать и проспал до Болоньи, а на следующий день, около девяти часов утра, уже находился в гондоле (см. XXIX, 38). Поскольку в Hôtel de l'Europe не нашлось свободной комнаты, он остановился в гостинице Hotel Danieli на набережной Скьявони, недалеко от площади Сан-Марко. Писатель заметил, что „отели дороги и набиты" (XXIX, 38). Он сожалел, что Венеция встретила его туманом[16]. Однако климатические условия в городе ему подошли. Он риторически спрашивал: „Почему с тех пор, как я покинул Флоренцию[17], где почти все время страдал от головной боли,

[14] См.: А. Кара-Мурза, *Александр Иванович Герцен* [в:] А. Кара-Мурза, *Знаменитые русские о Венеции*, Москва 2018, с. 186. Сын Герцена, Александр, с 1863 по 1869 г. жил во Флоренции. Там он начал свою научную деятельность в качестве ассистента известного физиолога М. Шифа.

[15] Все даты указываются по новому стилю.

[16] В литературных представлениях Венеция чаще всего изображается под проливным дождем или в тумане. См.: A. Achtelik, *Wenecja mityczna w literaturze polskiej XIX i XX wieku*, Katowice 2002, s. 23.

[17] 4 марта 1867 года писал: „Климат Флоренции – совершеннейшая ложь. Это – мерзейший котел в Италии, в котором летом печет, а зимой гадко и десять повальных болезней. (Теперь свирепствует скарлатина.) У меня страшнейший насморк" (XXIX, 52).

она совершенно прошла – и я чувствую себя хорошо, как в Лозанне и в Монтре?" (XXIX, 40).

Свое первое письмо он написал другу Николаю Огареву, признаваясь в нем: „Город до того оригинально красив и великолепен, что умирать, не видавши его, не следует" (XXIX, 38).

В переписке с другими лицами Герцен также упоминал о своеобразии и красоте Венеции. Он подчеркивал богатство архитектуры, скульптуры и живописи. Писатель утверждал, что увидеть город на лагуне так же необходимо, как и Неаполь, поскольку без этого опыта человек не сможет стать внутренне полноценным (см. XXIX, 38).

Дочери Лизе он писал, что она бы удивилась, узнав, что все улицы полны воды и что в гости к друзьям ездят на лодках. Таким образом Герцен обращал внимание на то, что „миф Венеции связан с водой. Она соединяет и в то же время разделяет отдельные районы города. Соответственно, улицы заменены водными каналами, которые навязывают необычный способ передвижения"[18]. Именно поэтому гондольер очень часто появляется в описаниях города. Русский писатель также пользовался этим видом транспорта.

Герцен отправил своей дочери открытку с изображением собора святого Марка и обратил внимание на характерные для площади Сан-Марко стаи голубей, которые, подобно тому, как это было в древности на Востоке, находились под защитой. Убийство этих птиц считалось неэтичным поступком[19].

Мальвиде Мейзенбуг, немецкой писательнице и воспитательнице своих дочерей, он писал:

> Венеция – прекраснейшая из нелепостей, созданных человечеством, – она величественна в силу своей нелепости и служит лучшим объяснением, почему моллюски образуют чудесные раковины с жемчугом и перламутровыми створками; когда землею служит только вода, а точкою опоры – утесы, нужно строить, строить, украшать, вновь украшать. Город, принимающий летом и зимой ножные ванны, должен быть отменно причесан (XXIX, 40).

---

[18] A. Achtelik, op. cit., s. 29.

[19] См.: W. Kopaliński, *Słownik symboli*, Warszawa 1999, словарная статья „gołąb", s. 99. Голубь имел статус священной птицы. См.: P. Kowalski, *Kultura magiczna. Omen, przesąd, znaczenie*, Warszawa 2007, s. 139.

Популярное определение города – „жемчужина Адриатики”[20] – отлично сочетается со словами русского писателя. Описывая „фантасмагорию, расцветающую на водах”[21], Герцен сравнил город с женщиной, которая из-за постоянного купания своих ног должна быть всегда изысканно причесана. Об абсурдности этого места он также намекал в письме к Огареву, называя Венецию величайшей и самой поэтической нелепостью в мире (см. XXIX, 41). Он добавил, что она „красивее и оригинальнее Флоренции – но жить здесь нельзя. Теперь карнавал, и все сошло с ума” (XXIX, 41).

Герцен наблюдал, как развивался знаменитый венецианский карнавал: „Карнавал во всем разгаре. Он дошел до таких колоссальных размеров, что в самом деле сделалось хорошо и оригинально. Все шутки и шалости времени республики возобновились, такого карнавала не было 71 год”[22] (XXIX, 48).

В этом празднике его привлекало, прежде всего, отсутствие непристойности и эротической фривольности во всех развлечениях (см. XXIX, 47).

24 февраля 1867 года, по просьбе 200 участников карнавала, Герцена пригласили на обед в ресторан, где в его честь кричали: *amico di Garibaldi* [друг Гарибальди. – А. К.], *russo libero* [свободный русский. – А. К.], *poeta russo* [русский поэт. – А. К.]. По этому случаю он писал Огареву, что итальянцы относились к нему с особой привязанностью, что ни в одной стране ему не оказывали такой благосклонности, доброжелательности и сердечности, как именно в Италии (см. XXIX, 48–49).

По мнению Герцена, Венеция являлась идеальным местом для отдыха, куда стоит приехать осенью или в начале лета и провести там

---

[20] „Венеция похожа на удивительную раковину, выловленную из моря. Эта раковина, приложенная к уху, даёт услышать глубокий шум океана, даже если нам внушают, что это совершенно невозможно” (E. Bieńkowska, *Co mówią kamienie o Wenecji*, Gdańsk 1999, s. 69). Абсурдность города может также быть связана с природой возникновения жемчужины. „Жемчужина возникает в результате раздражения моллюска песком, и поэтому является материальной формой боли, которую должен был испытывать моллюск” (P. Kowalski, op. cit., s. 432).

[21] См.: E. Bieńkowska, op. cit., s. 23.

[22] В 1797 году венецианский карнавал прекратил свое существование в связи с иностранным господством в городе.

месяц или два, восхищаясь яркой оригинальностью города, его странной красотой и удивительным богатством зданий, размеры которых он назвал колоссальными (см. XXIX, 44).

26 февраля 1867 года в Венецию прибыл Джузеппе Гарибальди[23]. Герцен участвовал в его приветствии. На следующий вечер он посетил знаменитого героя национально-освободительной борьбы, их встреча прошла в очень сердечной обстановке. Они обсуждали различные темы, включая славянское движение и восстание на Крите[24].

Эмигрант наблюдал и отмечал в своих письмах также неудобства, существующие в „жемчужине Адриатики". По его мнению, люди были испорчены австрийским гнетом и туристами, поэтому обманывали на каждом шагу: „Здесь все жульничают – вода не способствует моральной чистоплотности" (XXIX, 40). Это утверждение лишь на первый взгляд парадоксально. Символическое значение воды амбивалентно. Прежде всего, обращают внимание на ее очищающие и восстанавливающие свойства, однако стоячая вода связана с демоническими силами, содержит в себе также грязь и болезни[25]. После проливных дождей вода в Венеции „стоит на улицах, заполняет все впадины в камне"[26].

Развитие впечатлений от Венеции Герцен изложил в тексте под названием „Venezia la bella". Работу над ним он закончил в марте 1867 года в Ницце. Этот очерк должен был стать первой частью большой статьи об Италии. Автор переписал текст начисто, но решил не печатать статью в газете „Колокол", а предназначил ее для своего монументального мемуарного цикла „Былое и думы". Впервые эта глава книги была опубликована в альманахе „Полярная звезда" в 1869 году.

Название очерка можно рассматривать как намек на песню „La bella Venezia", которая пользовалась большой популярностью во время пребывания Герцена в городе. Известно также стихотворение Апол-

[23] Об отношении Герцена к Гарибальди см.: A. Kościołek, *Aleksander Hercen i „najpoetyczniejsza…"*, s. 212–213.

[24] *Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812–1870*, т. IV, Москва 1987, с. 362–363.

[25] P. Kowalski, op. cit., s. 609.

[26] F. Braudel, *Wenecja* [w:] idem etc., *Morze Śródziemne. Przestrzeń i historia. Ludzie i dziedzictwo*, przeł. M. Boruszyńska-Borowicka, B. Kuchta, A. Szymanowski, Warszawa 1994, s. 222.

лона Григорьева „Venezia la bella”[27]. Возможно также, что автор просто имел в виду стереотипное название города[28].

В произведении он использовал отрывки из своих предыдущих писем:

> Великолепнее нелепости, как Венеция, нет. Построить город там, где город построить нельзя, – само по себе безумие; но построить так один из изящнейших, грандиознейших городов – гениальное безумие. Вода, море, их блеск и мерцанье обязывают к особой пышности. Моллюски отделывают перламутром и жемчугом свои каюты (XI, 468).

Венеция как город на воде, на суше, отвоеванной у моря, является вызовом, брошенным природе, что, несомненно, привлекало толпы туристов, желающих увидеть именно такое место. Это „пространство, где сон становится явью, а сферы реальности и воображения равнозначны”[29].

Герцен называл Венецию городом сильной воли и крепкого разума. Он обращал внимание на республиканский, олигархический и торговый характер этого города:

> Один поверхностный взгляд на Венецию показывает, что это город, крепкий волей, сильный умом, республиканский, торговый, олигархический, что это узел, которым привязано что-то за водами, торговый склад под военным флагом, город шумного веча и беззвучный город тайных совещаний и мер; на его площади толчется с утра до ночи все население, и молча текут из него реки улиц в море. Пока толпа шумит и кричит на площади св. Марка, никем не

---

[27] *Комментарии* [в:] А. И. Герцен, *Собрание сочинений*: в 30 т., т. XI, Москва 1957, с. 734. На тему произведения Григорьева см.: Н. Меднис, *Разрывы и сопряжения (поэма А. Григорьева „Venezia la bella”)*, http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=19&id=21 [доступ: 12.10.2025].

[28] В русских произведениях XIX века Венецию называли „Прекрасной”. Такой эпитет использовал, например, Иван Тургенев в романе „Накануне”. См.: Н. Меднис, *Венецианский текст русской литературы*, http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=9 [доступ: 12.10. 2025]; Н. Меднис, *Венеция в русской литературе*, http://rassvet.websib.ru/charter.htm?no=19 [доступ: 12 июля 2024]; о Венеции в русской литературе см. также: И. Федорчук, *Культурная традиция в венецианских текстах русской литературы*, „Studia Wschodniosłowiańskie” 2003, т. 3, с. 127–141.

[29] A. Achtelik, op. cit., s. 15.

замеченная лодка скользит и пропадает – кто знает, что под ее черным пологом? Как тут было не топить людей возле любовных свиданий? (XI, 468)

Он подчеркивал любовь Венеции к роскоши и ее жизненную силу. „Этот город был задуман для восхищения своих жителей и вызова зависти у чужих, в самом своем замысле он как бы играл с чувством недоверия к своим глазам”[30].

Писатель обратил внимание на эту декоративность города и упомянул трех мастеров венецианской школы: Паоло Веронезе, Тинторетто и Тициана. Он заявил, что „каждый шаг торжественного шествия морской красавицы должен быть записан потомству кистью и резцом” (XI, 469).

В своем очерке „Venezia la bella” автор также описал первый карнавал после семидесятилетнего рабства. Напомним, что в 1797 году Наполеон Бонапарт уступил Венецию Австрии, а в 1866 году она вошла в состав объединенной Италии. Наблюдая за веселящейся толпой, писатель отметил, что люди развлекались „без кантаридности парижских Пьерро, без вульгарной шутки немца, без нашей родной грязи” (XI, 469). Ему очень нравилась эта открытая веселость и отсутствие непристойности.

Герцен также вспомнил, как итальянцы пригласили его в ресторан, о чем он ранее сообщал в своей переписке, и как Гарибальди прибыл в город. Он описал встречу героя на Canale Grande, который выглядел как площадка, построенная из лодок (см. XI, 471). Следует отметить, что в XIX веке канал был не только главной транспортной артерией города, но и местом проведения важных государственных церемоний, зоной развлечений и отдыха, популярным маршрутом для прогулок на гондолах, а также пространством, где во время регат гондольеры демонстрировали свое мастерство[31].

Писатель заметил, что Гарибальди не постарел с момента их встречи в Лондоне, однако на его лице появились признаки беспокойства. Он описал, как люди встречали героя, их энтузиазм и просьбы благословить детей.

В Венеции эмигрант восхищался памятниками архитектуры, но наибольший интерес для него представляли люди, итальянцы и рус-

[30] E. Bieńkowska, op. cit., s. 69.

[31] См.: A. Achtelik, op. cit., s. 51.

ские. Он знакомился с ними, участвовал в событиях, принимал участие во встрече с Гарибальди. В других городах через некоторое время он переезжал из гостиницы в съемную квартиру, чтобы стать одним из жителей, жить их жизнью, а не только наблюдать за ней. По мнению писателя, Венеция была хорошим местом для отдыха, но не для обычной жизни, в связи с чем полной интеграции с венецианцами не произошло. Герцен провел в городе лишь 10 дней. Материальное положение писателя отличалось от статуса других эмигрантов. Они, как правило, жили в тяжелых условиях и главной их заботой было обеспечить себе средства для проживания. Герцен, благодаря помощи Джеймса Ротшильда[32], имел стабильное, хорошее материальное положение. У него были средства, чтобы путешествовать. Он жил в роскошном отеле. Хотя комната в гостинице оказалась дорогой, писатель смог продлить свое пребывание в Венеции. Однако экономическая стоимость – это не только сумма расходов, понесенных для посещения города, но и время, затраченное на преодоление расстояния, а также для подготовки писем и очерка „Venezia la bella", которые вошли в состав „венецианского текста русской литературы"[33].

---

[32] На эту тему см. A. Kościołek, *Walka o pieniądze, czyli Aleksander Hercen i James Rothschild* [w:] *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich. 8. Pieniądz*, „Slavica Wratislaviensia CXLIX", Wrocław 2009, s. 59–66.

[33] Его формирование началось уже в конце XVII века с появлением путевых заметок Петра Толстого (*Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе: 1697–1699*, Москва 1992), отправленного на Запад царем Петром I. В следующем веке о пребывании в Венеции кратко упоминала в своих записках княгиня Екатерина Дашкова (ср. *Записки княгини Е. Р. Дашковой, писанные ею самой*, London 1859, с. 168–169), а Денис Фонвизин „жемчужине Адриатики" посвятил одно из своих итальянских писем (ср. Д. Фонвизин, *Письма из третьего заграничного путешествия (1784 –1785)*, *К родным*,17/28 1785 [в:] idem, *Собрание сочинений*: в 2-х т., т. II, Москва-Ленинград 1959, с. 548–549). Венецию прославляли поэты XIX века: Иван Козлов, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Петр Вяземский, Федор Тютчев и Афанасий Фет. В XX веке „венецианский текст русской литературы" создавали Павел Муратов, Анна Ахматова, Александр Блок, Осип Мандельштам, Иосиф Бродский и многие другие. На тему „венецианского текста русской литературы" см.: Н. Меднис, *Венеция в русской литературе*, Новосибирск 1999; И. Федорчук, *Культурная традиция в венецианских текстах русской литературы*, „Studia Wschodniosłowiańskie" 3(2003), с. 127–141;

References

Achtelik A., *Wenecja mityczna w literaturze polskiej XIX i XX wieku*, Katowice 2002.

Bieńkowska E., *Co mówią kamienie o Wenecji*, Gdańsk 1999.

Braudel F. i inni, *Morze Śródziemne. Przestrzeń i historia. Ludzie i dziedzictwo,* przeł. M. Boruszyńska-Borowicka, B. Kuchta, A. Szymanowski, Warszawa 1994.

Fedorčuk I., *Kul'turnaâ tradiciâ v venecianskih tekstah russkoj literatury*, „Studia Wschodniosłowiańskie" 2003, t. 3, s. 127–141 [Федорчук И., *Культурная традиция в венецианских текстах русской литературы*, „Studia Wschodniosłowiańskie" 2003, т. 3, с. 127–141].

Gercen A., *Sobranie sočinenij*: v 30 t., t. I–XXX, Moskva 1954–1965 [Герцен А., *Собрание сочинений в тридцати томах*, т. I–XXX, Москва 1954–1965].

Kaczmarek J., *Topobiografie – wielowymiarowa przestrzeń bycia*, „Białostockie Studia Literaturoznawcze" 2013, nr 4, s. 25–39.

Kara-Murza A., *Znamenitye russkie o Venecii*, Moskva 2018 [Кара-Мурза А., *Знаменитые русские о Венеции*, Москва 2018].

Kopaliński W., *Słownik symboli*, Warszawa 1999.

Kościołek A., *Aleksander Hercen i „najpoetyczniejsza kraina na świecie"* [w:] *Słowiańszczyzna wobec idei i poszukiwań świata zachodniego*, „Musica Antiqua Europae Orientalis XV. Acta Slavica", Bydgoszcz 2009, s. 207–220.

Kościołek A., *Walka o pieniądze, czyli Aleksander Hercen i James Rothschild* [w:] *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich. 8. Pieniądz*, „Slavica Wratislaviensia CXLIX", Wrocław 2009, s. 59–66.

Kościołek A., *„Życie na ulicy", czyli Aleksander Hercen i Risorgimento*, „Litteraria Copernicana" 2011, nr 1 (7). *Italia. Inspiracje włoskie w literaturach słowiańskich*, red. B. Burdziej, A. Kościołek, s. 61–69.

Kowalski P., *Kultura magiczna. Omen, przesąd, znaczenie*, Warszawa 2007.

Krinicin A., Galiseva M., *Venecianskij tekst v russkoj poèzii XIX–XX vekov*, „Litera" 2018, №1, s. 29–48 [А. Криницин, М. Галисева, *Венецианский текст в русской поэзии XIX–XX веков*, „Litera" 2018, №1, с. 29–48].

Lanskij L., *Gercen i Franciâ* [w:] „Literaturnoe nasledstvo", t. 96: *Gercen i Zapad*, Moskva 1985, s. 254–306 [Ланский Л., *Герцен и Франция* [w:] „Литературное наследство", т. 96: *Герцен и Запад*, Москва 1985, с. 254–306].

Letopis' žizni i tvorčestva A. I. Gercena. 1812–1870, t. IV, Moskva 1987 [*Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812–1870*, т. IV, Москва 1987].

А. Криницин, М. Галисева, *Венецианский текст в русской поэзии XIX–XX веков*, „Litera" 2018, №1, с. 29–48 [доступ: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25264].

Mednis N., *Venecianskij tekst russkoj literatury*, https://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=9 [dostup: 12.10.2025] [Меднис Н., *Венецианский текст русской литературы*, http://rassvet.websib.ru/text.htm?no=35&id=9 [доступ: 12.07. 2025]].

Mednis N., *Venecia v russkoj literature*, http://rassvet.websib.ru/charter.htm?no=19 [dostup: 12.07.2025] [Меднис Н., *Венеция в русской литературе*, http://rassvet.websib.ru/charter.htm?no=19 [доступ: 12.07.2025]].

Mednis N., *Venecia v russkoj literature*, Novosibirsk 1999 [Меднис Н., *Венеция в русской литературе*, Новосибирск 1999].

Śliwowska W., *Aleksander Hercen*, Warszawa 2017.

Śliwowscy W. i R., *Aleksander Hercen*, Warszawa 1973.

Želvakova I., *Gercen*, Moskva 2010 [Желвакова И., *Герцен*, Москва 2010].